

Брахма создал небо, землю, воду и, утомленный творением, отправился отдыхать под сенью дерева шалмали, передав управление миром своим потомкам — богам и асурам¹. От сыновей Брахмы пошли все живые существа на земле. Мир, отданный на откуп восьми блистательным богам, не замер в неподвижности. Он, омываемый водами Инда, менялся. Количество богов росло. Они погрязли в склоках, распрях, дележе имущества и семейных разборках. Уверенные в своем могуществе, они обленились и не сразу заметили, что люди стали забывать их, вера ослабла, а храмы опустели.

В наше время самые могущественные из древних богов — Вишну, Шива и Индра питаются теми крохами человеческой энергии, которая поступает от верующих. Этого хватает для существования, а идея господства над миром давно оставила их. Несмотря на угасшую веру, по-прежнему популярна Кали. Ее помнят, почитают и до сих пор боятся.

¹ Асуры — в индуизме божества низшего ранга, демоны.

А вот остальным богам намного хуже. Про них забыли. Для того чтобы выжить, приходится снисходить на землю и быть как можно ближе к человеческому теплу. Воплощаясь в людях, древние боги проживают жизнь за жизнью на земле, интегрируясь в мир людей, перенимая их слабости и пороки. Такое воплощение именуют аватарой. Это не человек, но и не бог.

Божественная сущность, возрожденная в смертном теле, не может в полной мере использовать собственную силу и не всегда осознает то, кем является, но все равно превосходит смертного во всем. Жизнь аватары на земле — это жизнь героя, подвижника или великого злодея. Аватары соседствуют с людьми, играя ими, словно куклами. И никогда не воспринимают людей равными себе. Лишь как разменные монеты в собственных забавах.

В течение человеческой жизни нестареющая аватара все больше и больше познает свою божественную сущность, и в момент смерти человека возрождается бог.

Древние, словно мир, индуистские боги завистят от людей и их веры, которой становится все меньше. Поэтому Индию, где остались последователи индуистского учения, плотно оккупировали старшие боги, закрыв туда путь более мелким божкам и демонам, которым пришлось искать другие подходящие места для жизни. Их выбор пал на свою прародину — Россию.

По легендам, предки индийцев Арии изначально жили на севере, на небольшом острове, омы-

ваемом водами холодного Белого океана. Теплый субтропический климат создал благоприятные условия для развития цивилизации. Но двенадцать тысяч лет назад началось похолодание, и арийцы вынуждены были двигаться все дальше на юг и юго-восток, пока не обосновались в Индии. Спустя много лет, утратив людскую веру, младшие боги вернулись в те места, где давным-давно зародилась арийская раса.

Избалованные благами цивилизации боги не стали жить недалеко от исторического местоположения горы Меру в Арктике — слишком некомфортные и безлюдные там места, — они обосновались в городах-мегаполисах или недалеко от них.

Именно здесь в толпе прохожих можно встретить чернокожую красавицу Кали, царя всех нагов — Шешу, бога любви Каму и многих других. Только нужно приглядеться. Но вот стоит ли? Боги всегда преследуют свои цели, и горе тому смертному, который волей судьбы окажется втянут в их распри.

Пролог

Тусклые лучи солнца с трудом пробивались сквозь пыльное окно в большую неуютную комнату, которая не менялась годами. Она лишь обрастала новыми вещами и деталями. Оставшаяся с девятнадцатого века лепнина на высоком облупившемся потолке. «Совковая» — качественная, но некрасивая мебель. Такая часто стояла в кабинетах партийных чиновников — излишне помпезная и громоздкая. И техника начала двадцать первого столетия. Все это вместе создавало неуютную, отталкивающую атмосферу. Зато в нее замечательно вписывался несимпатичный высокий мужчина лет тридцати, с крупным сломанным носом и трехдневной щетиной. Он сидел в высоком кожаном кресле и с брезгливым любопытством смотрел в центр комнаты.

— Это он? — в голосе недоверие и интерес.

— Несомненно. — Одетый в деловой костюм шкафоподобный охранник легонько подтолкнул вперед заплаканного мальчика лет трех-четырёх. Малыш едва сдерживал слезы и прижимал к себе потрепанного плюшевого медвежонка. Темные волосы ребенка торчали в разные стороны,

словно колючки дикобраза, а на бледном лице с узким подбородком выделялись полные тоски огромные черные глаза с длинными, слипшимися от слез ресницами.

— Ну, здравствуй, Вритра! — хищно улыбнулся мужчина и наклонился ближе, буравя ребенка холодным змеиным взглядом.

Мальчишка испуганно сглотнул и сжался, сильнее обнимая потрепанную игрушку. Отступил на шаг, а потом в его полных слез глазах мелькнуло узнавание. Он замер, расправил плечи, разом став выше и старше. Затравленный взгляд принял взрослую осмысленность и твердость. Черные глаза прояснились, и в них мелькнуло расплавленное золото. Вытерев слезы рукавом рубашки, мальчик медленно произнес с совсем недетской интонацией:

— Рад видеть тебя снова, наставник! Прости, не узнал сразу.

— Это ничего. Ты вспомнил меня? — слабая улыбка мелькнула на узких потрескавшихся губах.

— Конечно, сиятельный Шеша — царь всех нагов. Я приветствую тебя в новом воплощении.

— Я ждал твоего возвращения очень долго. Искал по свету и надеялся. Знал — однажды воды Инда вновь приведут тебя ко мне... — Мужчина помолчал. — Ты выбрал себе очень хрупкую аватару, — покачал головой он, внимательно рассматривая стоящего в центре комнаты ребенка.

— Эта аватара вырастет в сильного и красивого мужчину. Вот увидишь.

— Приятно слышать, так как у меня на тебя грандиозные планы. Я расскажу о них позже, когда ты немного подрастешь. У тебя появится шанс отомстить, ты же помнишь...

— ...что со мной сделал Индра? — Злобный прищур темных глаз на миловидном детском личике заставил отшатнуться выдавшего многое охранника. — Конечно, помню. Такое не забывается. Из-за него я находился в небытии слишком долго.

— Дольше, чем нам всем хотелось бы. Тебе придется учиться жить заново, Вритра.

— У меня есть время, пока аватара войдет в силу, — соглашаясь, кивнул мальчик и снова прижал к себе игрушку, неуверенно теребя изрядно затертое медвежье ухо.

— Времени достаточно. А сейчас, думаю, тебе стоит отдохнуть. Твоей аватаре нужно спать.

— Нет, играть! — капризно надул губы мальчик. — И к маме!

Из его глаз хлынули слезы, а Шеша закрыл лицо руками, вздохнув. «Ох, уж эти человеческие аватары, столько с ними мороки. С детскими переживаниями, страхами и эмоциями бороться трудно даже тысячелетним богам. Возможность воплощаться в другое существо и проживать полноценную жизнь — это божественная привилегия и проклятие. Пройдет не меньше десяти лет, прежде чем Вритра сможет использовать хотя бы маленькую толику своей божественной силы и в полной мере осознает кто он». Бог, заключенный в человеческое тело, уязвим, особен-

но до тех пор, пока не войдет в полную силу. Он даже не всегда способен в полной мере осознать, кем является. Сейчас Вритра обычный ребенок, где-то в глубине души которого затаилось могущественное божество.

Странный симбиоз, именуемый аватарой, позволяет богу испытать в течение человеческой жизни всю гамму давно забытых эмоций, но плата за это — слабость смертного тела и очеловечивание. Оболочка, которую занимает бог, откладывает свой отпечаток на характер, мировоззрение, цели — становится частью одного целого, и эту часть нельзя игнорировать.

Глава 1
ЛИЦЕЙ ИМ. АКАДЕМИКА
КАТУРИНА

Пятнадцать лет спустя

— **Е**ще не поздно повернуть назад, — сказала мама как ни в чем не бывало. Она смотрела на дорогу и пыталась сохранить на лице нейтральное выражение, словно все было нормально. Она очень любила так делать. А я ненавидела. Зачем поднимать вопрос, который уже давно решен?

Я промолчала. Не хотела снова скандалить. Я вообще не понимала, как возможность продолжить обучение в крутом лицее имени Катурина могла вызвать такую негативную реакцию у всей семьи? Я получила нереальный шанс получить блестящее образование, прошла кучу тестов и олимпиад, а родные вместо того, чтобы порадоваться за меня, пытались отговорить. Сначала даже в категоричной форме.

Подумаешь, перееду из дома в шестнадцать лет! Так ведь недалеко, каких-то тридцать километров! Стоило ли делать из этого проблему? Я же не в ПТУ на швею поступила, чтобы плакать по загубленному будущему отличницы. Только

в последние две недели дома возникло подобие хрупкого мира. Мама даже согласилась отвезти меня на машине.

Лицей имени Катурина располагался в тридцати километрах за городом, в старинной усадьбе, и предполагал только проживание на полном пансионе. Полагаю, именно это послужило основным поводом для недовольства родителей. Они не хотели отпускать меня в самостоятельное плавание так рано. А вот я, наоборот, хотела в полной мере ощутить свободу и студенческую жизнь.

Если бы я знала, что мама снова начнет старую песню, пожалуй, поехала бы на лицейском автобусе. Нам предлагали и такой вариант, но стало лень переть чемоданы. Все же на машине, в сопровождении мамы, которая подскажет, если что, было как-то спокойнее.

Чтобы не спорить с ней, я уткнулась в телефон. Наташка — лучшая подружка — интересовалась, как обстоят дела с симпатичными мальчиками. Ей я отписалась кратко, пообещав рассказать все вечером. Когда этих самых мальчиков увижу. Вернувшись с юга Светка звала на традиционный девичник в субботу — пришлось ответить отказом. Насколько я знала, первые полгода из лицея практически не отпускают домой. Остальные сообщения были от моего парня — Данила. Его оставлять было тяжелее всего, но я верила, что настоящая любовь способна выдержать любые расстояния.

Данил белозубо улыбался мне с авки и признавался в любви. На глаза навернулись слезы —

я не доехала до места, а уже скучала. А мысль о том, что мы можем не увидеться до Нового года, заставляла сжиматься сердце. Я залезла в его альбомы и выбрала лучшую, на мой взгляд, фотографию, чтобы поставить ее на рабочий стол. Данил, обнаженный по пояс, сидел на борту небольшого катера и улыбался. На этом снимке особенно ярко выделялись его пронзительно-голубые глаза, а светлые, выгоревшие летом волосы теребил ветер. Мне было грустно, но я понимала: это расставание неизбежно. Я слишком хотела учиться именно здесь. А Данил в этом году поступил на первый курс университета в Питере. Возможно, когда он сдаст на права, то будет приезжать ко мне сам.

Доехать без приключений до Голицына, расположенного совсем недалеко от Питера, не вышло. Пробки никто не отменял, но за инет-общением время пролетело незаметно. Ненавязчивая музыка в наушниках и приятный собеседник в Сети вернули мне хорошее настроение. В душе осталась только легкая тоска, постепенно сменяющаяся предвкушением новой жизни. Впрочем, настоящие неприятности нас ждали, когда до лица осталось совсем немного — километров десять. Я первой заметила, что машину как-то подозрительно тянет вбок. Пришлось останавливаться и производить осмотр.

— Вот же! — сокрушалась мама. — Кажется, мы прокололи колесо. Ну вот как так?! На ровной дороге!

— И что будем делать? — запаниковала я.

— Даже не знаю, — вздохнула мама. — Вызывать кого-нибудь на помощь. Только вот папа быстро не придет, у него сегодня важное совещание. Может, сразу звонить в сервисный центр?

— Они будут ехать до обеда! — возмутилась я и выскочила на проезжую часть, отчаянно голосуя.

Как ни странно, черная хищная иномарка затормозила рядом с нами очень быстро, и из нее вылез парень. Высокий, с черными непослушными волосами и загорело-бронзовой кожей. Красивый, словно сошедший с постера на стене у меня в комнате. Мы с подружками купили в прошлом году три одинаковых и повесили каждая у себя. Потом придумали «глянцевым мальчикам» историю и имена. Моего звали «Валерыч», и я иногда делилась с ним своими секретами. Жалела, что не могу взять с собой в лицей.

Увидев его живую копию, я на минуту ступеневалась.

— Помочь? — голос хриплый, низкий и немного насмешливый.

Я посмотрела вверх и встретила взглядом с незнакомцем. Он с интересом наблюдал за мной. Таких черных пронзительных глаз мне встречать не доводилось.

При ближайшем рассмотрении парень оказался совсем не похож на плакатного «Валерыча». Моложе. С правильными чертами лица, длинноватым подбородком, небольшим ртом с красивыми тонкими губами, сережкой-змейкой в ухе и портящим идеальный образ шрамом на левой брови.